

АЛЕКСАНДР
БАШИБУЗУК

СТРАНА
АРМАНЬЯК

БАСТАРД
РУТЬЕР
ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
БЗЗ

Серия «БФ-коллекция»

Оформление обложки *Сергей Курганов*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Башибузук, Александр

БЗЗ Страна Арманьяк: Бастард. Рутьер. Дракон Золотого Руна : сборник / Александр Башибузук. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2019. — 768 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-115991-7

Что делать если тебя неожиданно забросило в пятнадцатый век? Наш современник, тренер по фехтованию, Александр Лемешев, волей случая оказывается в теле бастарда Жана д'Арманьяка, виконта де Лавардан и Рокебрэн, внебрачного сына графа Жана V д'Арманьяка, одного из последних феодальных властителей божьей милостью. Вокруг дремучее Средневековье, бушуют междоусобные войны, инквизиция и эпидемии, отец убит, родовые земли захвачены, а по пятам идут ищейки короля Франции Луи XI по прозвищу Всемирный Паук. Лемешев понимает: для того чтобы выжить, надо принять то время, в котором ты оказался, таким какое оно есть. А значит, придется встретить опасности лицом к лицу и добыть себе славу единственно возможным способом: твердой рукой и клинком.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115991-7

© Александр Башибузук, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

БАСТАРД

ОТ АВТОРА

Я писал эту книгу с удовольствием, почти с таким же, с каким в юности сам зачитывался рыцарскими романами. XV век. Время, когда государство еще не представляло собой безликую машину, а персонафицировалось выдающимися людьми, титанами Ренессанса. Эпоха, в которой еще не умерли такие понятия, как рыцарство, честь, долг и любовь, — не может не восхищать, несмотря на то что порой она была жестокой и в ней случались предательство и подлость. Но... она не более жестокая, не более подлая, чем наше время. Всегда и во все времена тяжело было жить человеку, попавшему в жернова истории.

Толчком для моего обращения к этой теме и этой эпохе стал роман Дмитрия Старицкого «Фебус. Принц Вианы», открывший для меня волшебную страну Гасконь. И мне захотелось поделиться с вами, мои читатели, своим восхищением людьми, ее населявшими. Зуд в пальцах отличает писателя от всех остальных людей. Я сел за клавиатуру и... сам не заметил, как написал весь роман.

По традиции я хочу выразить свою признательность писателям Игорю Негатину и Дмитрию Старицкому за то, что они открыли для меня свои творческие лаборатории, откуда я щедро черпал опыт старших товарищей по цеху.

Глубокую благодарность я приношу кандидату исторических наук Юрию Дмитриевичу Борисову за его неоценимые исторические консультации.

А также редакторам этой книги за то, что они так старательно возились с моим несовершенным текстом. В книге, которую вы только что сняли с магазинной полки, есть и их труд.

ПРОЛОГ

— Что хотела? — Звонок жены, как всегда, оказался не вовремя.

— Нам надо поговорить.

Женушка в своем амплуа. Невообразимо печальный голос, сдобренный почти наполовину страданием. Денег просить будет как пить дать...

Ах да... она уже пять лет как бывшая женушка, но каким-то удивительным образом я не могу думать о ней как о бывшей, она всегда настоящая; так сказать, крест, который я несу и буду нести. Я удивительно легко схожусь и расхожусь с женщинами, но Людка осталась у меня в сердце вечной занозой. Без каких-либо шансов от нее избавиться.

— Я за рулем... — Зараза!.. Крутанул руль и едва ушел от «крузак», вздумавшего устроить обгон через две сплошных. — Давай завтра... или послезавтра.

— Тебе все равно... Ты наплевательски относишься ко мне, тебе наплевать на дочь, тебе наплевать на всех, кроме тебя... — У жены прорезались визгливые нотки в голосе...

М-да, так и не поменяла она свой репертуар, а пора бы, сейчас эти истерики ничего, кроме дикой злости, не вызывают.

— Я-за-рулем... твою мать!.. — прорычал я и бросил телефон на сиденье.

Да что за день сегодня такой... Сначала в федерации все мозги высушили, теперь Людка... Да задрали, уроды!

Принял вправо и остановился на обочине. Нашарил в бардачке пачку «Житана», щелкнул зажигалкой...

Опять заверещал телефон. Мельком глянул... Ага, опять Плеханов...

— Да, Михаил Иванович...

— Сань, ты подумал?

— Да, Иваныч.

— Так что, едешь?

— Нет.

— Вот объясни мне на русском языке, почему? У тебя что, бабло мешками валяется?! — Мой собеседник — председатель федерации спортивного фехтования — последние слова проорал в нешуточной ярости.

— Нет, не валяется... — Я постарался голос не повышать, все равно бесполезно: Иваныч всегда слышит только себя и возражений не принимает никогда. — Я тебе сегодня все уже сказал, — произнес спокойно и раздельно.

— А ты повтори... Потому что я отказываюсь понимать этот бред.

— Я доведу Жихарева до чемпионата и возьму с ним золото; если я сейчас уйду, парень не подготовится и медаль уйдет венграм.

— Да начхать мне на медаль, мне сейчас из министерства звонили, а им начхать на меня, а мне начхать на твой идиотизм. Арабы сидят у меня в приемной. Ты сейчас приедешь и подпишешь контракт; если ты его не подпишешь, я снимаю тебя со сборной... Ты меня понял? Ты будешь тренировать этих гребаных арабов и если надо, то и по деснам станешь лупиться со всеми их шейхами...

— А не пойдешь ли ты, Иваныч... к шейхам. — Отрубил телефон и опять закинул его на сиденье. — Гребаные уроды! — со злостью выкрикнул в лобовуху и двинул по рулю.

Зачем мне такое счастье... Манал я этих арабов вместе с их Катарами*. Бабки, конечно, совершенно неприличные получают: вот втемяшилось в голову сыну короля сделать свою команду чемпионами мира — и хоть кол на голове теши. Ладно... Кажется, все верно делаю: еще побыкую чуток и, глядишь, в контракте лишний нолик прибавится.

Опять зашикал телефон. Да что же это такое...

— Я уже все сказал! — заорал в трубку.

— Александр Вячеславович, вам необходимо срочно прибыть в министерство, на пятнадцать ноль-ноль у вас встреча с министром; вы меня слышите? — сообщил мне совершенно спокойный женский голос.

А вот это уже серьезно. Если Иваныча я могу послать, то министра... м-да... кажется, с лишним ноликом не сложится...

— Я буду.

— Пожалуйста, не опаздывайте...

— Не буду... — Рванул с места — и одновременно с истошным воем гудков увидел несущуюся на меня морду громадного грузовика...

* К а т а р ы — квазихристианское манихейское религиозное движение, распространенное в XI—XIV вв. в ряде стран и областей Южной Европы. Для борьбы с этой ересью римские папы в XIII в. организовали крестовый поход под предводительством французского графа Симона де Монфора.

ГЛАВА 1

...Темнота, расцвеченная сверкающими звездочками, вдруг резко исчезла, сменившись режущим светом, тупой болью, пронизывающей голову, и чьими-то мягкими, нежными и сухими губами у меня на щеке...

— Да что за... — Открыл глаза и увидел пофыркивающую лошадиную морду.

Лошадь?

Конь?

Кобыла?

Нет... Жеребец.

Что за нафиг?

Где это я?

Коняка, увидев, что я пришел в себя, радостно фыркнула и опять полезла слюнявить лицо.

— Фу... тьфу ты... отстань, — попытался отодвинуть ее морду — и уставился на свою руку в...

Мама дорогая... на ладони была надета самая настоящая латная перчатка*.

— Что за... — Глаза поневоле опустились ниже и разглядели всю руку, обтянутую кольчугой с наручами...

И белый балахон с вышитым на нем каким-то гербом. А под ним...

Черную, с золотой насечкой, составную кирасу...

И широкий кожаный пояс, украшенный узорными бляхами...

И торчащий эфес с круглой причудливой чашкой...

И высокие ботфорты из рыжей замши...

Господи... на них золотые шпоры!

Шпоры?

Когда?.. Когда я успел заявиться в клуб к реконструкторам и нажраться там вусмерть с Денисом?

Стоп... Какой клуб? Какой Денис? Я же...

Где моя машина?

Где урод — водила грузовика? Задницу наизнанку выверну...

Пошарил глазами вокруг...

Дубовая поросль, ручеек журчит между покрытыми зеленым мхом камнями, и здоровенная оседланная вороная коняка с притороченными к седлу сумками и выюками. Моей «Витары» и тем более грузовика с уродским водилой не наблюдалось.

Что за черт?

* Латные перчатки — элемент доспеха, защита кисти. Кожаная перчатка, обшитая комбинацией стальных полос. Элемент готического доспеха.

Голова не просто болит, а раскалывается. Нащупал ссадину на лбу, всю в засохшей крови и... И слипшиеся от крови волосы...

Волосы?

Усталился, скосив глаз, на черную, без седой волосинки, длинную волнистую прядь...

Да что за черт, у меня уже лет пять как волос на голове не наблюдается! Все, что еще растет, безжалостно стригу под ноль...

Попытался вскочить и запнулся о длинную шпагу в кожаных, окоченных железом ножнах. С лязгом многочисленных железяк шлепнулся на колени и в лужице воды увидел молодую физиономию в обрамлении шикарной шевелюры...

— Мама... — в ужасе жалобно прошептал и еще раз притронулся ко лбу, сразу заорав от боли. — Твою же душу в капель... не сплю же...

Надо позвонить!

Полез в карман... и не нашел кармана... Вместо него — какие-то хреновины на обтягивающих штанах в виде... в виде... память услужливо высветила актера Домогарова из сериала «Графиня де Монсоро»... там на нем примерно такие же колготки были надеты.

Потянул из ножен тесак с закрывающей руку причудливой чашкой. Сантиметров сорок будет, обоюдоострое узкое граненое лезвие, память опять услужливо подсуетилась — «дага»*, и сразу вспомнилось второе слово: «эспада»**. Тренер по фехтованию я или кто? У меня дома на стене такие висят: дага — моя гордость, старинная, а эспада — новодел, но качественный. Подарили в Кастилии, когда был там на соревнованиях...

Подтянул к себе эспаду... она и есть. Тяжелая, длиной сантиметров восемьдесят пять, можно рубить и колоть, на чашке причудливо изогнутый захват... золотая чеканка... россыпь мелких камней, и главное... полный аутентик, хрен спутаешь... мечта Портоса.

— Тьфу, бред какой-то...

Еще раз посмотрелся на себя в лужу...

Парень лет двадцати пяти, с длинной брюнетистой шевелюрой и ободраным лбом. Не то чтобы красавец, но и явно не урод, морда волевая, нос зачетный, горбатый и длинный, можно даже сказать — тоже волевой. В воде отражался белый балахон, стянутый в поясе ремнем. На балахоне вышитый герб в виде геральдического щита со вздыбленными львами по всем его четвертям. А под балахоном еще

* Дага — кинжал для левой руки длиной до 60 см с усиленной гардой. Гарды были в форме чаши, широкой пластины или дужек.

** Эспада (*исп.* espada) — испанский одноручный меч с прямым узким обоюдоострым клинком. Мог оснащаться сложной корзинчатой гардой.

кираса... Или панцирь? Никогда в доспехах особо не соображал, вот в оружии — совсем наоборот...

«Составная кираса», — опять подсустилась память. Да откуда я это знаю?

Под кирасой — кожаный камзол... Да не камзол, а колет*, под колетом белая рубаха из довольно грубого по современным меркам полотна, тоже полный натурэль... На шее тяжелая золотая цепь с массивным крестом и вторая цепь, тоньше и изящнее, с какой-то ладанкой.

Штаны... вернее, колготки... шоссы и пуфы... Да, это пуфы, и ботфорты чуть ли не до паха, да еще под коленом ремешком стянуты...

Да что за карнавал, едрена вошь, и почему у меня морда юнца, а не сорокалетнего нормального мужика? Тут поневоле в чертовщину всякую поверишь...

Присел на валун и задумался...

Я тренер сборной страны по сабле... Должен был подписать контракт с федерацией Катара... Выкореживался, набивая цену, и не подписал, за что был серьезно вздрючен председателем нашей федерации и вызван на ковер к министру для вздрючки на более высоком уровне...

А потом?

В памяти ясно отпечатались мощная решетка радиатора грузовика, летящая мне навстречу...

Ну... получается, потом я умер...

Вдохнул свежего, такого вкусного пряного воздуха...

Да нет, не умер.

Встал и несколько раз присел... бодренько так присел; отлично... только лоб болит, да долбанные колготки в зад врезаются...

Зачерпнул из ручья воды и промыл лицо.

Ерунда, кожа расцарапана да шишка порядочная, сотрясения вроде нет... подобрал с травы малиновый берет с пучком павлиньих перьев. Надо же, как авантажно... берет с перьями; насколько помню, пейзажи в Средние века головные уборы другие носили... Значит, не пейзаж, слава богу.

Ну ладно, там я погиб, а здесь что со мной случилось, да и кто я?

— Слышь, коняка, а я кто? — поинтересовался у коня, норовившего поймать губами мое ухо.

Жеребец всхрапнул и закивал головой.

— А мог бы и подсказать, Роден. — Бесстрашно протянул руку и потрепал коня по морде.

* Ко л е т — мужская короткая приталенная куртка с привязными рукавами (без рукавов — жилет), обычно из светлой кожи, надевавшаяся поверх дублета в XV—XVII вв. В варианте поддоспешника — то же, что и гамбизон.

Роден! Роден... похоже, из моей памяти отрывками все-таки про-
рываются какие-то воспоминания...

— Так ты — Роден?

Жеребец согласно кивнул, всхрипнул и полез губами в лицо...

— Но, не балуй...

Получается... получается, меня каким-то загадочным образом за-
несло не пойми куда, да еще и вселило в чье-то тело... И как это? Там
помер, а здесь ожил. С одной стороны, прикольно, а с другой... да что
за черт, чешется же все.

Содрал перчатку и потер шею... м-да... да ты, братан, минимум ме-
сяц не мылся. Вот это не очень... мыться срочно... да и переодеться не
мешает...

— Давай, Роденушка, посмотрим, что у тебя в сумках. — Взвесил
в руке тяжеленный шлем, притороченный к седлу, похожий на спар-
танский, только без гребня и творчески переработанный.

М-да... барбют называется, всплыло название... не мои это знания,
я сроду в доспехах и всяких там латах особо не разбирался. Это память
старого хозяина тела, скорее всего, подсказывает.

— Слушай, братан, подсказывай давай все и сразу, а не порция-
ми... — обратился внутрь себя.

Оттянул тугую бронзовую пряжку на чересседельной сумке и раз-
ложил все содержимое на травке, затем проделал ту же процедуру со
второй. Отвязал вьюк позади седла.

Ну, что у нас есть...

Развязал шнурок на тяжелом мешке... вот это я понимаю. Повертел
в руках маленький золотой кружок с выбитым на нем мужиком на
коне и с мечом. Золото. В мешке килограмм, не меньше, это сколько
же в долярах будет?

— Окстись, придурок, — рявкнул на себя в голос, — какие доля-
ры?! Нет, надо срочно определяться, куда меня занесло и, главное,
в кого...

Память услужливо подкинула название монеты — конский
франк...

И тут я внезапно понял...

Это не сон...

Это не шутка...

И я не брежу и определенно не свихнулся...

Внезапно накрыло ощущение полной беспомощности и дикого
ужаса; так накрыло, что я сел на камень и впал в мрачное уныние,
отказываясь понимать все, что случилось со мной. Это в книгах про
попаданцев brave парни моментом вписываются в жизнь и, во-
оруженные массой знаний, переворачивают все в истории с ног на
голову.

А я?

Судя по надетым на меня доспехам — Средние века. Главный источник знаний про Средние века у меня — книги Александра Дюма... И все. Разве что еще Вальтер Скотт.

Больше же ничего не знаю. Совсем ничего...

Не врач я...

Не ученый...

Не гениальный полководец...

Не инженер...

Не химик... твою же мать, я даже не имею ни малейшего представления о составе пороха, который, судя по книгам, на зубок знает любой приличный попаданец!

Я не знаю истории! Совсем!

Я умею только фехтовать.

Да, черт возьми, я это только и умею, но... умею фехтовать современной спортивной полукилограммовой саблей, которой даже при всем желании барана не зарубишь, а здесь мечи должны быть тяжелыми: вон только моя эспада больше кило весит...

Куда ни ткнишь, везде...

Состояние рассудка с каждой секундой становилось все плачевнее, я моментами впадал в дикую ярость, злой на весь мир, проклиная судьбу и неизвестные силы, сыгравшие со мной такую пакостную шутку. Ярость сменялась диким унынием, когда рука сама тянулась к кинжалу — прекратить всю нелепость моего положения. Я действительно не знал, что делать. Несмотря на мою обертку из этого мира, я остался тем, кем был, и не видел никаких перспектив для выживания. Не радовало даже молодое и сильное тело... твою же мать, здесь же, судя по крошкам моих знаний, тут даже зубы рвут кузнецы, а люди не моются никогда! Добавим чуму, тиф и всякие дизентерии...

Я не знаю, сколько просидел, занимаясь самобичеванием, но, как ни странно, привел меня в чувство голод; банальный голод и зуд давно не мытого тела.

Солнце, весело пускавшее зайчики через прорехи в листве, ушло к горизонту. Стало немного прохладнее.

— Сдохнуть? — спросил я сам себя и повертел страхолюдную дагу. — Вот взять и заколоться этой железякой...

Но, несмотря на полное уныние и упадочническое настроение, этот вариант не привлекал. Жить хотелось. Жить и пользоваться всеми благами жизни и молодого, полного сил тела... Да и чума с тифами не так страшны...

Заурчало в животе. Вспомнил, что сегодня вечером собирался в испанский рестораник с Юлькой Сенчиной, тренером молодежи...

Не-э-эт... сдохнуть я всегда успею. В данном периоде истории это как раз совершенно не трудно. По крайней мере, сначала надо набить чем-то пузо.

Вытащил и расстелил на траве темно-зеленый плащ из плотного сукна и на него вытряхнул все содержимое сумок.

Сразу отсеял все несъедобное в сторону, развернул несколько свертков из грубой, но сравнительно чистой холстины и подвинул к себе полный кожаный бурдюк.

Выдрал пробку, нюхнул, затем влил в себя несколько полновесных глотков...

Вино! И неплохое вино. Терпкое, с приятной кислинкой, с миндальным послевкусием. Поискал современные аналоги и не нашел... Но хорошее вино, черт побери!

Да, именно, черт побери.

Судя по фильмам, у дворян... а я надеюсь, судя по золотым шпорам, что я дворянин, — это самое распространенное ругательство. Значит, не будем выпячиваться из эпохи.

В свертках оказалось несколько приличных ломтей копченого мяса и сыра. По паре головок лука и чеснока, пучок незнакомой мне зелени с пряным запахом и в завершение — большая булка слегка черствого, но чертовски вкусного сероватого хлеба.

Ну-ка... мясо пахнет какими-то специями и копченостями, вроде свежее... червей, по крайней мере, не наблюдается.

Набил полный рот и даже замычал от наслаждения. Сыр вообще оказался похож на божественный нектар. Не остановился, пока не умял треть припасов. Уже лучше... И всякая ерунда в голову перестала лезть. Воистину желудок у мужиков прямо связан с мозгами.

С насыщением пришло почти благостное настроение. Порылся в вещах и выудил мешок с запасным бельем и одеждой. Сразу зазудело немывтое тело, и я обнаружил, что содрать с себя винтажные, приличествующие эпохе одежды — не самое простое дело.

Снял пояс с оружием, стянул котту через голову; как подсказала память, балахон этот назывался коттой. Панцирь-то и остальное железо снять оказалось просто: лишь расстегнул замки и пряжки и отложил в сторону.

А вот дальше... Дальше дубы услышали много неместного про средневековых модельеров... Зараза, ну как можно изобрести штаны из трех... вру, гульфик забыл, — четырех частей... Сука, где вы, Сен-Лораны и Гуччи?..

Не знаю, что мне больше помогло: мат или дикое желание помыться, но, повозившись, я разделся и полез в ручей, с ужасом понимая, что рано или поздно мне придется одеваться.